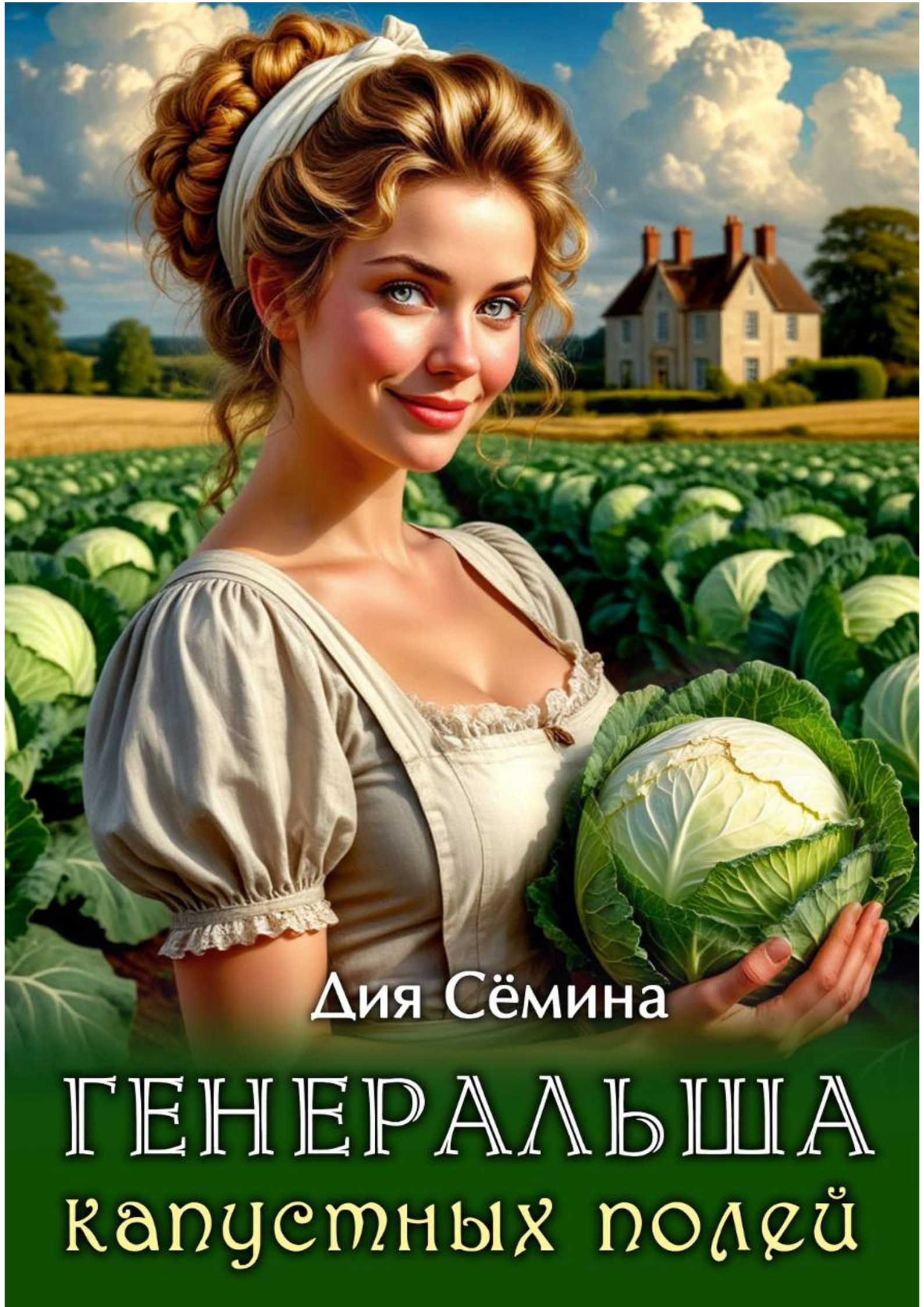

Для Сёмина

ГЕНЕРАЛЬША
капустных полей

Дия Сёмина

Генеральша капустных полей

«Автор»

2026

Сёмина Д.

Генеральша капустных полей / Д. Сёмина — «Автор», 2026

Муж считал её вещью, купленной в пансионе, его дети – прислугой, ровно до той поры, как выяснилось, что они все живут за её счёт, им бы так и сошло с рук беззаконие. Но теперь в теле безропотной Веры – я, женщина старой закалки, и у меня есть собственные планы на эту жизнь, для начала вернуться в своё поместье, и наладить простенький бизнес на обалденно вкусных овощных закусках. И у меня бы получилось, вот только есть одна несговорчивая проблема – новый хозяин моего родового гнезда Мир без магии, альтернативная Россия, весёлая, лёгкая история взрослой попаданки в тело молодой женщины. Читайте с удовольствием. Однотомник. Короткий любовный роман.

© Сёмина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бывшая хозяйка	5
Глава 2	8
Глава 3. Воспоминания	11
Глава 4. Кот Матроскин и дядя Фёдор	15
Глава 5. Пустые хлопоты	19
Глава 6. Фон-барон	22
Глава 7. Щи...	26
Глава 8. Гости	29
Глава 9. Перемирие?	34
Глава 10. Муж?	38
Гл	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дия Сёмина

Генеральша капустных полей

Глава 1. Бывшая хозяйка

— Сударыня, мне кажется, вчера мы исчерпывающе обсудили ситуацию, более чем того требовалось, сделайте милость, собирайтесь и уезжайте в столицу сейчас же, вам здесь не место...

Мои свинцовые веки вздрогнули, но невыносимый гул в голове только усилился от непонятно откуда раздавшегося мужского голоса, причём такого громкого, что я невольно поморщилась. Понятия не имею, чего от меня хотят, и вообще откуда он взялся в моей больничной палате, он вообще идиот? Как я могу собраться, если подключена к ИВЛ...

Делаю вдох и вдруг чихаю, да так громко и сильно, что тело вздрогнуло и как будто ожило, наконец, согрившись самой жизнью.

Осознание не успело догнать события...

— Будьте здоровы и не стройте из себя болезную страдалицу, промочить ноги в наше время не смертельно...

Подумать только, откуда такое хамло взялось на мою голову, промочить ноги, да у меня лёгкие не...

...дышат?

Я же сама вдыхаю и выдыхаю, правда, нос слегка заложен и гордо слегка щиплет, но как от старой доброй ангины...

Я дышу сама?

Привычка лежать овощем, с закрытыми глазами в палате интенсивной терапии взяла своё, думаю, слушаю, но открыть глаза не решаюсь, не хотела видеть то, во что медленно превращаюсь...

— Сударыня, я не намерен с вами церемониться, вставайте сейчас же, до перекрёстка вас отвезёт мой кучер, и в столице разбирайтесь со своими документами у нотариуса...

Незнакомец решил, что я притворяюсь, и слегка дёрнул меня за руку, заставляя сесть. Голова закружилась, перед глазами звёздочки, и я снова завалилась набок, со стоном: «Дайте мне спокойно помереть!»

— Ну нет! Мне ещё проблем с законом не хватало. Сейчас же собирайтесь! — его терпение лопнуло, и он меня хорошенько встряхнул.

Открываю глаза и вижу перед собой совершенно иную реальность, ни палаты, ни врачей, ничего, к чему я была готова. На меня уставился моложавый мужчина в странной одежде, и вид у него совершенно недобрый, это единственное, что я уловила расфокусированным зрением...

— Помогите! Ай! Вы вообще кто? Боже, вы меня украли, выпотрошите и на органы? Я ещё живая, оставьте меня, — начинаю вопить то, чего боялась больше всего на свете, что меня или похоронят живой или на органы, сопоставить панику и тот факт, что он меня выгоняет, я тоже не успела.

Торможу на все четыре колеса...

— Боже мой! Вы ненормальная! Какие органы? Кому вы вообще нужны? Блаженная...

Первый приступ панической истерики, наконец, отпустил, голова всё так же кругом, звон в ушах усилился, но я всё равно совершенно ничего не понимаю. Абсолютно ничего из того, что меня сейчас окружает, не позволяет мне припомнить способ, каким я сюда попала. Явно без сознания была...

— Это какая-то шутка, кто-то ошибся? Я сейчас должна быть в другом месте.

Мужчина вспыхнул радостью, поднял руки, словно вызывает к всевышнему, запрокинул голову и простонал:

— Аллилуйя! Наконец-то! Я вас битый час пытаюсь выпроводить туда, где вы сейчас должны быть. Собирайтесь, наконец...

Воздав всевышнему за моё, якобы прозрение, незнакомец бросил на старенький диван бесформенное чёрное платье замызганного вида, словно его в луже прополоскали, да в глине до утра забыли, а теперь сухой подол с коричневатым оттенком и мерзкими пятнами стоит колом как картонное, того и гляди сломается.

— Вы издеваетесь? Где моя нормальная одежда? Хотя нет, при чём здесь одежда? Как я здесь оказалась? Что происходит? И только не кричите, я рядом, и, кажется, неплохо слышу...

На его недовольном лице промелькнула тень раздражения:

— Вы вчера заявили поздно вечером, объявили себя хозяйкой этого поместья. Да, наш лакей припомнил, что у бывших хозяев была дочка Верочка, но её увезли в столицу ещё девочкой, лет пятнадцать назад, вас выдали замуж за генерала, вы теперь его вдова и вернулись, зачем-то в это небольшое имение, какое я купил у вашего мужа почти вот уже четыре года тому. Довольны?

— Чем?

— Вы непробиваемая тупица, уж простите мою грубость.

— Хорошо, что вы осознаёте свою грубость, а чем я, по-вашему, должна быть довольна? Не этих объяснений я от вас жду, совершенно не этих...

— Опять за рыбу деньги. Всё, вы меня вынудили, оставайтесь, но я вызываю из столицы нотариуса и полицейского, пусть вас забирают силой, я не обязан терпеть в своём доме ненормальную женщину...

Я бы испугалась его угроз, если бы вообще понимала, что сейчас происходит, какой муж, какой генерал? И это он меня Верочкой назвал или какую-то другую девочку?

В голове рассыпались последние конструкции здравого смысла. У меня нет ни единой версии происходящего. Словно я вошла в кинотеатр на середине сеанса и внезапно для себя самой стала главной героиней какой-то драмы. Хоть бы суфлёра какого или подсказку, что происходит...

Осматриваю мрачную комнату, в ней совершенно ничего примечательного, кроме кружевной скатерти на маленьком столике у окна. Это не спальня, а какая-то странная гостиная, напоминающая исторический музейный комплекс, с той лишь разницей, что в музее намного чище, чем здесь, брезгливо закрываю глаза, чтобы не видеть то, что сейчас творится вокруг. Где-то в доме послышался крик, шум, топот. И удары: тук, тук, тук...

Топором дрова или этот звук аппарата?

Вселенная расширилась, растянулась и схлопнулась, или это эффект осознания, вдруг удалось ухватить что-то тревожное в прошлом, тяжёлое, гнетущее.

Писк, длинный, занудный. Топот, тревожные голоса, команды и наконец короткое:

«Всё! Мы её потеряли, отключайте, ординатор, готовьте документы, жаль, я думал, она выкарабкается, ведь крепкая женщина...».

И тишина, меня словно вырвали из той реальности и сразу голос незнакомца, как следующий кадр совершенно несвязанный с предыдущим сюжетом. Кажется, я начинаю осознавать, что со мной случилось. Я умерла, а теперь либо очнулась где-то в аду, либо это игры разума как дурной сон, что поймал меня в свой бесконечный круг и не отпускает.

Пострадать и поплакать над своей судьбой мне снова не позволил незнакомец:

— Ну всё, сударыня, я послал за представителями закона, вы сами накликаете на себя беду, и во всём, что с вами происходит, винить теперь будете себя...

Он погрозил мне пальцем, надо же, сколь назидательный тон.

— Пусть приезжают, я никуда не спешу, до пятницы я совершенно свободна, а вот чаю с чем-то существенным выпила бы, вас не затруднит?

— Ворвалась в дом, не желает уходить, ещё и чай требует. Нет, в этом доме вам не рады, — прорычал сдавленно, замолчал и тут же крикнул куда-то в темноту коридора. — Эй, Мефодий, накормите нашу гостью и уберите это уродливое платье, видеть его не могу!

Я понятия не имею, кто я, как выгляжу, откуда у меня это ужасное платье и как я здесь оказалась, но внезапно на моём лице появилась улыбка победителя. Один ноль в мою пользу, правда, я так и не поняла, за что мы боремся?

За имение? Целое имение?

Добро пожаловать в новую историю о попаданке, лёгкий, бытовой, романтический роман с юмором. Героиня жизнерадостная, активная, и умеющая за себя постоять. Добавляйте книгу в библиотеку и не забывайте нажимать на лайки, так книга будет заметна на портале. Большое спасибо, что выбрали эту историю.

Глава 2

Двумя пальчиками приподнимаю то, что незнакомец назвал гордым словом «платье», и скидываю с дивана, жалко мебель пачкать в глине и грязи что сыплется с подола.

В углу комнатки стоят два жалких саквояжа из древнего потёртого гобелена и...

Оборачиваюсь взглянуть на спинку дивана, что послужил мне убежищем в эту ночь, и вот оно первое доказательство «родства»! Винтажные «сумки» родом отсюда, они из одной и той же ткани, какой обит старый диван, с ними «я» или девочка Верочка много лет назад покинула этот дом, с ними же и вернулась.

Негусто у девоньки с наследством.

Странно, что меня принимают за неё...

— Так, стоп, а почему, собственно, странно? Девочка выросла, и как она выглядит, теперь мало кто знает, и меня могли спутать.

Видать разум ещё не включился в работу и соображаю туго, я давно не девочка, очень давно, настолько давно, что видела третью внучку и померла...

Снова тревожное ощущение, от которого у меня неприятно засосало под ложечкой, то ли от страха, то ли от голода, а, скорее всего, и от того, и от другого. Потому что я хоть и гоню от себя очевидные мысли, но признать их не спешу, даже в полумраке комнатки я вижу, что ни руки, ни ноги не похожи на мои, родные, и уже очень старые конечности. Тело молодое, крепенькое и, наверное, милое, но в зеркало смотреться пока особого желания нет. А вот заглянуть в саквояжи и понять, что я за птица такая и что вообще происходит, давно пора.

Пришлось встать с дивана, закутаться в коричневую, колючую шаль и босиком по ледяному полу пройти к сумкам, открыть их и шумно выдохнуть: «Фу!»

Все вещи промокли, не одной сухой тряпки, и успели «задохнуться», провонять сыростью, старостью и нищетой.

Перетряхивать содержимое саквояжей нет ни сил, ни желания, даже если что-то постирать, всё равно эти вещи носить нельзя.

— Госпожа, Вера Степановна, извольте чайку, ох как же вас судьба жестоко, это надо. Как жестоко, да вы бы хоть носки шерстяные, щас принесу.

В комнату вошёл пожилой лакей и занёс аскетичную еду: чай с молоком, краюху хлеба с густыми сливками и варёное яйцо.

— Спасибо, у меня нет одежды, вся испортилась, буду признательна за носки.

— У нас сохранились старые платья вашей матушки, принесть?

— Окажите такую милость, если нетрудно! Нехорошо по дому разгуливать в одной рубашке.

Старик посмотрел на меня с ехидным прищуром:

— Дык, хозяин-то вам и не даст разгуливать-то! Тут уж вот одна половица-то, по ней и ходить. У него всё строго, особенно с женским полом. Всех ретивых служанок выставил.

Не успеваю сделать непристойные выводы, как из другой комнаты послышался грозный рык:

— Я и тебя, Мефодий, выставлю, вы все мешаете мне работать, потому и уволены. И передай нашей гостье, чтобы сидела тихо, иначе наше перемирие закончится, не успев начаться! Развели тут балаган, не сосредоточится...

В конце он, кажется, ругнулся и на каком-то непонятном языке, а я, едва сдерживая улыбку, жестом показываю, что рот на замке, и Мефодий, приложив серый от сажи палец к всклокоченным усам, тоже понимающе кивнул и вышел за платьями и носками. Радует, что у меня хотя бы со слугой коалиция начинает вырисовываться.

Теперь кое-что стало понятно, скорее всего, из-за экономии наш доблестный хозяин уволил прислугу, оставив только Мефодия и ещё кого-то тихого. Потому в доме, простите, срач такой, что руки чешутся взять тряпку, и начать всё отдраивать, пока не стало слишком поздно. А поздно, это когда легче снести или спалить, и построить новое, чем наводить порядки и ремонтировать.

Ненавижу запущенное жильё.

Быстро проглотила всё, что принёс Мефодий, не побрезговала, даже серым яйцом, какое лакей, видимо, взял перепачканными в саже руками и положил на поднос, какой дом, такая и пасхалка.

Голод — не тётка, а в моём положении, вообще выбирать не приходится, да и не из чего.

Где-то в дальних комнатах раздался шум упавшего ящика...

Морщусь, надеюсь, что Мефодия не придавило и слышу ворчание хозяина, как мы ему надоели и мешаем.

— Бедненький, прям как я в своей панельной пятиэтажке с буйными соседями по периметру.

— Я всё слышу, и не стоит меня жалеть, лучше себя пожалейте.

— Послушайте, ну не истязайте себя. Есть же бумажные салфетки, или бинты, или вата, скрутите их и вставьте в уши, закройте дверь и работайте себе на здоровье.

В его комнате послышались шаги, и шум он явно делает себе беруши, может быть, хоть ворчать на нас перестанет, но для этого ему нужен кляп, а такой совет я не рискнула пока давать.

— Ну как, неслышно? Кричу, чтобы проверить его самодельную звукоизоляцию.

— Сударыня, если вы продолжите дебоширить, то я вас выставлю, — послышался грозный ответ, и он захлопнул дверь. Конечно, его ничего не спасёт от шума, дом деревянный, полы скрипучие, стены тонкие, чего он хотел? Уехать в провинцию, в тишину и погрузиться в работу с головой...

Я уже несколько минут думаю о нём, и совершенно не думаю над своей проблемой.

— Вот вам, барыня, платья, и другие вещички, уж что нашёл, не взыщите. И вот ещё жестяная банка, старьё, но авось ценное что-то от матушки-то вашей, — Мефодий очень чинно положил на диван несколько выцветших, застиранных платьев, и узел с женским бельём, что лежал где-то в комнате с незапамятных времён, шерстяные носки, не новые, но чистые и довольно большие. А рядом поставил старую, затёртую от времени жестяную банку из-под каких-то сладостей. — Ваши-то ботинки у печи сушатся, как и пальтишко, а это куда? На выброс?

Он кивнул на грязное платье, и я, не колеблясь, сказала, что на тряпки, носить такое точно невозможно.

Платья оказались старыми, заношенными, заштопанными, но так скрупулёзно, что я прониклась уважением к той женщине, что их носила. Мы в нашем мире привыкли чуть заношенные вещи менять на новые, а здесь всё иначе. Может быть, я и старое чёрное платье должна постирать, высушить, отгладить и заштопать, а потом носить ещё лет десять? Кажется я с ним именно так и поступила десять лет назад...

Натянула на себя первое же платье, надела колючие носки, неприятно, но хоть тепло. И сейчас бы расспросить Мефодия о быте и важных вещах, но пока он где-то суетится, любопытство взяло верх, я открыла коробку.

Бусики из бисера, всевозможные пуговицы, маленькие ножнички, такие красивые, что я залюбовалась ими. Пожелтевшие листочки из журнала мод. И на самом дне письмо.

В не простое, а признание в любви, и небольшой карандашный набросок, портрет, невероятно привлекательной девушки, и подпись: «Ты навсегда в моём сердце, ангел мой, Лизонька!»

Что-то тронуло тайные чертоги памяти, как вспышки начали всплывать в памяти события из скудной, печальной жизни Веры: пансион со строжайшими правилами, замужество за стариком, против воли, но её так запугали, что она не решилась спорить.

И, кажется, я уснула, тут же на диване, завалившись на платя, и приснился мне сон о совсем недавних событиях, самых ярких, наверное, тело решилось поделиться, своей тайной, пока есть возможность и потом забыть, если, конечно, такая подлость забывается.

Глава 3. Воспоминания

— Денежные средства в размере ста двадцати пяти тысяч двухсот тридцати рублей, содержащихся на банковском счёте, а также этот фамильный дом...

Монотонный, слегка осипший голос нотариуса В. И. Горбунова казался занудным до невозможности, под такой голос хорошо бы задремать, но напряжение в кабинете растёт с каждым словом.

Сначала Горбунов зачитал все регалии и достижения покойного, потом его нотации потомкам и посмертные просьбы, в которых не содержалось ничего сколько-нибудь необычного и действительно ценного. И вот теперь зачитаны те самые долгожданные строки, решающие судьбу всех, собравшихся в тесном кабинете покойного, достопочтенного штабного генерала Меркулова.

Справа от нотариуса расселось всё немногочисленное семейство покойного, и поодаль от своры противников, сконфуженно вытирая слезинки, сидит молодая вдова, не ожидающая для себя ничего хорошего из этих бумаг и уже успевшая получить нелицеприятные слова от дочери почившего супруга. Однако она обязана вытерпеть этот последний шаг к долгожданной свободе, а потом будь что будет. Ведь муж обещал, клялся, что не оставит её нищенствовать, и всё по справедливости, ведь она столько вынесла, ухаживая за ним, причём и в прямом и переносном смысле вынесла, и пока ничего, кроме пошлых оскорблений не получила.

Пауза слишком затянулась, нервируя собравшихся, доводя до кипения, только нотариус открыл рот, чтобы, наконец, провозгласить последнюю волю Льва Борисовича Меркулова, как вокруг его головы, противно жужжа, закрутилась муха. Довольно крупная, с блестящим пузиком нагло летает над документом и не позволяет несчастному чтецу произнести долгожданные слова о том, кому же всё такие сии богатства достанутся.

— Да откуда ж ты взялась, пакость в марте-то? Окаянная! — изловчившись, выждав удачный момент, нотариус показал свой охотничий азарт и прихлопнул несчастное насекомое вчерашней газеткой, что лежала поодаль на столе. Щелчком отправил бездыханное тело куда-то на пол и снова замешкался в бумагах.

— Боже мой, продолжайте, продолжайте! Сделайте милость! — взмолилась главная наследница Авдотья Львовна — молодая женщина, слегка пухленькая, белёсая и бесцветная, напоминающая собой недопечённую булку. Однако крепость характера и крутой нрав унаследовала у бравого папаши, и уже готова командовать.

Нотариус подчинился, но испытал терпение собравшихся ещё раз, повторно перечислив все активы, какие сейчас кого-то осчастливят. И снова не назвал имени.

— Да что ты будешь делать...

Завопил старший сын покойного Борис Львович, окончательно потерявший всякое терпение.

— Господа, господа, секундочку. Тут очень сложное дело вырисовывается. В завещании указана вдова, но ей положено лишь содержание порядка пятнадцати рублей в месяц пока она повторно замуж не выйдет. — предчувствуя поток негодования, Горбунов поднял палец, призывая к тишине, и продолжил. — Но есть одна оговорка, содержание по желанию и благоволению родственников. По сути закона, она была замужем недостаточное время, чтобы подавать в суд, и не имеет наследника от господина Меркулова, посему её положение остаётся на ваше усмотрение, а остальное равными долями разделено между братом и сестрой Борисом Львовичем Меркуловым и Авдотьей Львовной Тропининой...

— Ура! Господи, справедливость существует, — завопила Авдотья и, притянув порозовевшую физиономию мужа за пухлые щёки, чмокнула в губы. Но тут же повернулась к несчастной, побледневшей от ужаса вдове и соорудила из пухлых пальчиков кукиш. — Вот тебе, а не

содержание. Позор на наши головы, мачеха младше нас, тьфу, шалава, не выношу её. Всё Боря, прикажи собрать её шмотье и выкинуть прям сейчас на улицу. Пусть катит в свою деревню...

— Но я, но меня против воли выдали замуж за вашего батюшку, силой из пансиона заставили, я такая же жертва обстоятельств, три года за ним ухаживала, и у вас помощи не просила, мне ваши богатства и не нужны, но содержание...

Верочка попыталась воззвать к совести оппонентов, но они кинулись к столу ставить свои подписи на документе, принимая всё наследство и не оставляя «мачехе» ни копейки.

— Ну-с, господа, раз никаких прений не возникло, всё полюбовно, поеду заверять право наследователей. Не хочу вас пугать, но сроки ещё не вышли, вы приняли все активы, однако до конца года могут объявиться кредиторы, советую пока не транжирить...

Авдотья махнула ручкой и заверила, что отец был человеком честным и ответственным, и долгов не делал.

— Уж об уме нашего батюшки судить можно хотя бы потому, что он эту приживалку оставил ни с чем. Нет у нас кредиторов. Батюшка у нас был рачительный хозяин, из бедности сумел выкрутиться, и без долгов. Так что не переживайте, всё у нас будет хорошо, прощайте.

Она буквально в спину вытолкала медлительного нотариуса из кабинета, и сразу же накинулась на свою долгожданную жертву.

— Как же я ждала этого момента! Как ждала! Убирайся вон из моего дома, приживалка проклятая! Если за пять минут не уберёшься, выкину на улицу так, как есть, ненавижу...

— Полно те! Дуняша, угомонись! Она усердно, с христианским терпением ухаживала за нашим батюшкой, и ничего не требует, позволь Вере собраться и уехать, а сама поди, выпей чаю, — Борис Львович внезапно проявил зачатки благородства, довольно крепко взял под локоть побледневшую мачеху и вывел её из-под «обстрела».

— Но, чтобы через десять минут её здесь не было! — громом прогремел голос генеральской дочери.

— Дом также и мой, сестричка, если не уступишь при разделе, то оставлю Веру себе, раз её вид тебя так бесит! — неожиданно рассмеялся братец.

— И не рассчитывай, ни копейки не уступлю, — теперь уже прорычала вслед Авдотья, ей не до чая, пока глупый брат охмуряет безропотную мачеху, нужно обыскать кабинет и найти все заначки батюшки, он по старой привычке любил рубли припрятать на чёрный день.

Уже на пороге своей комнаты, Верочка, собрав последние крохи мужества и сил, попыталась освободиться из хватки пасынка.

— Пустите, мне всё равно не выжить в вашем обществе, вещи собраны, надеюсь, досмотр устраивать не будете.

— Я бы тебе устроил досмотр, не смотри на дурную бабу мою сестру, она сейчас уедет домой с мужем, а мы останемся вдвоём. Нам с тобой и не венчанными можно жить под одной крышей, был один Меркулов, станет другой. Не ломайся, ну...

Его жадные руки тиснули мягкое тело ошалевшей Верочки в самых потаённых местах, пришлось сопротивляться, чем ещё больше раздражить ретивое нахала:

— Да как вы смеете?

— А ты подумай. У сестры и так дом есть, я её засужу, она отца уже на приданое обобрала лет шесть назад, пустив его по миру. Так что дом и часть счёта будут мои, наши...

Вера недослушала, вбежала в комнату и захлопнула дверь перед носом настойчивого ухажёра, такого же противного, как и его сестра.

Если бы не юный возраст, когда начальница пансиона чуть не силой выдала её замуж за старика, получив, скорее всего, какую-то корысть, то Верочка и тогда бы сопротивлялась, боролась. Но её с малолетства воспитывали в подчинении, а сейчас совсем другое дело, совершенно другое, вон Авдотья никому не подчиняется, гнёт свою линию, и никто ей не указ, даже её грубости никто слова поперёк не скажет.

Значит, так можно?

Свои же права, не чужие.

Готовая к решительным действиям Верочка закрыла замки на сумках, проверила ящики комода, не оставила ли чего и прошептала своему миловидному отражению в зеркале:

— Документы, вещи, денегат толика, Боже мой, как жить дальше? Что же делать? В деревню, в матушкино наследство, там крепкое хозяйство, мне и это содержание проклятых Меркуловых не нужно. Я теперь вдова! Вдова и вольная. Никто мне не указ! — внезапно ощутив волю, молодая женщина взяла два своих саквояжа, осмотрела унылую комнатку старого дома, выдохнула и решила прорываться с боем на первый этаж, а там и на улицу. Бежать без оглядки, повторяя только одно, что она теперь генеральша, вдова, и сама себе указ, а это тоже дорогого стоит...

Её никто и не думал останавливать.

В кабинете отца «детки» снова устроили бурную ссору, да такую, что послышался грохот падающих с полок книг. Потом вопли Авдотьи, крики её мужа, и ругань Бориса, о том, что Дунька уже своё получила в качестве приданого и чуть было всю фамилию не пустила по миру...

— Как пауки, ей-богу, — прошептала Верочка и выбежала на улицу, пока на неё никто не обратил внимание.

Остаться в столице не представилось возможным, сейчас искать место долго, искать угол — накладно. Да и какое она место себе найдёт? Экономкой вряд ли — молода. Сиделкой — надоело так, что хоть вой. В модистки не пробиться, таких несчастных белошвеек полным-полно в городе. Она после похорон уж успела навести справки и всё мимо, ни одного сколь-нибудь приличного места не нашлось.

Пронизывающий мартовский ветер с ледяной моросью, рванул подол её траурного платья и чуть было не опрокинул на обледенелую мостовую. Пришлось пешком поспешить до площади, где ямщики собирают попутчиков.

До деревни Кривотолково путь неблизкий, но не такой и далёкий, если бы летом, а не в самую распутицу, сколько лет там не была. Мечтала, а в последние деньки каждую ночь ей снился родной дом среди просторов, река, деревенька за рощицей, и она там так была счастлива до шести лет своей непростой жизни. Так счастлива, что теперь в сознании райский сад рисуется ни иначе, как родина.

Все перипетии, страдания, и тяготы поездки переносились Верой стойчески, без упадка духом, даже когда пришлось двое суток ждать попутную почтовую карету в прокуренной черновой избе станционного смотрителя. Нанять вольного ямщика — показалось непозволительной роскошью.

Пять часов в карете в компании угрюмых попутчиков показались последним испытанием, на какое у неё ещё хватило сил, но ровно до того момента, как карета, надрывно скрипнув, остановилась в чистом поле, и кучер объявил:

— Кому там в Кривотолково? Выходите, по праву руку пять вёрст, и будет вам ши да каша, радость наша...

Верочка послушно вышла, огляделась и простонала:

— Помилуйте, как же? Вечереет, вы же обещали довести, куда же мне одной.

— Ну, матушка, там распутица, у меня карета казённая, лошади измотаны, до полустанка бы доехать затемно на поезд отдать почтовое, не успеваю и не поеду, тут вона дорога есть, до темна добредёте...

И чтобы не выслушивать мольбы, прикрикнул на лошадей, заставляя поспешить по тракту. Несчастливая девица, обречённо вздохнув, повернула в ту сторону, куда показал ямщик. Это были самые ужасные часы в её непростой жизни, жестокая раскисшая дорога не поскупилась на испытания. И не единой хоть бы телеги или верхового, чтобы указал путь, ничего

спасительного. И в последний момент, когда отчаяние, кажется, уговорило сесть на проталине под дерево, завернуться в шаль и уснуть, впереди вспыхнули огни родного дома...

— Мамочки, дошла, дошла, мамочки. Божечки, спасибо, спасибо...

Проскулила Верочка, шмыгая носом и вытирая заочечневшими пальцами тёплые слёзы на щеках...

Глава 4. Кот Матроскин и дядя Фёдор

В этом доме ко всем малочисленным домочадцам существует единственное требование от хозяина – ТИШИНА!

Пока я лежала в трансе и «просматривала кино» о недавних событиях жизни Веры, меня никто не трогал. Никто, кроме большого серого кота, что сейчас пристроился у меня под боком и так уютно мурлычет, что я вдруг согрелась, успокоилась и окончательно пришла в себя.

Что-то прояснилось в незавидной судьбе девоньки, в чьём теле я по какой-то немыслимой причине вдруг очнулась. Я или моя душа, или сознание? Уже не важно, я и она теперь по какой-то немыслимой ошибке вселенной – стали едины.

Но самое странное, что свою прежнюю непростую жизнь я начала забывать. Только базовые факты.

Первое, мы с Верой – тёзки, второе, я тоже «дослужилась» с мужем до генерала, и потому ко мне в госпитале было очень почтительное и уважительное отношение, непростая я женщина, во всех отношениях. А была когда-то такой же девочкой-припевочкой, выскочила замуж за курсанта, и по всем гарнизонам с ним проехала, и не только по СССР, но и в Германии пять лет служили и в Польше. Насыщенная жизнь была, есть чем гордиться...

Вздыхая, рука сама потянулась к коту и начала гладить, а тот ещё громче замурлыкал, как веретено...

— Тише, а то выгонят нас на мороз, у тебя-то шуба, а мне куда? Снова в дорогу? Нет уж, увольте, этот дом Веры. Если бы она продала или знала о продаже, то не отправилась в такую даль, а осталась бы в столице, не такая она дурочка была. Просто зашуганная дурной роднёй дурного мужа. Надо выяснить, что и кто напакостил с документами, а там уж посмотрим, что да как...

Лежим с котом и рассуждаем о наших планах на будущее.

Но лежи, не лежи, а естественные потребности никуда не денутся.

Пришлось встать, потянуться, закутаться в шаль и на поясице завязать узлом. Светлые волосы выбились из густой, толстой косы, но переплестать пока нет времени, пора «на двор сбегать», как говаривала моя бабуля в давние-давние времена...

У порога обнаружилась пара довольно приличных галош с малиновым нутром, и заботливо протёртые от деревенской грязи. И размер женский, не сорок пятый.

— Ну вот! Жизнь заиграла новыми красками, Васька, или ты Маркиз? Нет, ты определённо Василий Матроскин. Ладно, пойдём, поищем, где здесь нужду справляют...

Хотела было найти Мефодия, чтобы расспросить, где тут, что и как, да вдруг сама и вспомнила. Есть сортир на улице, а есть и в доме уборная наподобие наших септиков со сливом и трубой, только нужно выйти в холодные сени, потом сразу направо, по крытому коридору, вот и уборная, даже без запаха, смыв, правда, из ведра, но это всё равно лучше, чем обычный толчок, летом от него столько бы вони и мухоты было в доме.

Какое счастье, что туалет чистый, иначе я бы взвыла...

Хоть какие-то у хозяина требования остались, кроме тишины.

На улице после вчерашней непогоды разыгралось тепло, капель с крыши неустанно капает, и синички запели по-весеннему. Но выходить из дома желания нет никакого, кот так за мной и ходит, прям следит неотступно. Сидел, ждал на ступенях пока я уборную протестирую, а как вышла, начал мяукать и тереться об ноги.

— Что, кошачья твоя морда, почуял, кто в доме хозяйка, то-то же! Пойдём, кухню инспектировать, да руки заодно помоем.

На кухне печь едва теплится, типичная деревенская, с двумя прогарами для жарки и широким духовым шкафом. Для умывания чан с водой и ковшик на гвоздике висит у входа, а большое ведро с помоями поодаль.

Не сказать чтобы чисто, и идеально, типично мужское хозяйство, многое запущено и требует внимания. Здесь бы не помешало всё раза на три отмыть, а что-то и ножом отскоблить, но пока не время, успеется, а то за бурную деятельность можно и выговор схлопотать.

Уж не знаю, это мои личные воспоминания из детства, или Верочки, но накатило сентиментальное настроение от вида закопчённой печи, потрескивания огня, запаха дровишек, лежащих на полу. Не знаю, что меня дёрнуло, любопытство или практический интерес, но я проверила все полки, шкафчики и буфет, отыскала коричневый солодовый сахар, соль, муку, хороший кусок копчёного мяса с салом, разные крупы в старых туссах, простоквашу в горшочке под белой тряпочкой, соду, крынку со сливочным маслом. И недолго думая, на автопилоте развела плотное, но всё же жидковатое тесто для оладий. В любой непонятной ситуации я раньше всегда делала оладушки, с блинами возни больше, а эти у меня прям как пышки получаются, как оказалось, опыт не пропёшь и со смертью не теряешь.

Подбросила в печь дров, протёрла широкую чугунную сковороду и начала жарить, изводя кота ароматами. Простокваша ему показалась мало, первый оладушек мы с ним и разделили.

— Ну что, вкусно? Василий Котофеевич, то-то же, ты теперь должен быть на моей стороне! Сейчас чайник вскипятим и сядем полдничать. Что? Говоришь, нашего вредного сожителя надо покормить? Думаешь, он добрее станет? — обращаюсь к коту, а сама стою спиной к двери, лицом к печи и вдруг слышу за спиной тот самый вредный голос нового хозяина моего имени.

— И что это вы на чужой кухне свои порядки начали наводить? Вас кто уполномочил?

Поворачиваюсь и на серьёзном глазу заявляю:

— Василий Котофеевич, он тут староста. Мы сейчас оладьи напечем, и освободим вам поле для деятельности, только чем вы питаться собрались, вот ведь вопрос...

— Сударыня, не ваше дело, чем я...

И тут на него снизошло осознание, что мои оладьи весьма притягательные и не только на вид, но и на вкус. Они заставили его сглотнуть и уставиться на глубокую тарелку с выпечкой, точно так же как за каждым оладушком следит Васька-кот.

— Могу поделиться, и чайник уже закипает...

Я наконец рассмотрела моего визави, соперника, а может быть, и врага в борьбе за дом.

Высокий, но не настолько, чтобы косяки макушкой сшибать. Темноволосый, довольно крепкий, как все здоровые люди в мире, где ко всему нужно прилагать усилия, роботов, машин нет, хотя слуги же. Крепкий, широкоплечий, но слегка сутулый и с подслеповатым прищуром, как у многих писарей, или работников пера и бумаги. В доме вообще царит полумрак, здесь заниматься интеллектуальными трудами совершенно неподходящее место. Но мне даже понравилось его лицо, прямой с горбинкой нос, впалые щёки, и довольно упрямый подбородок. Из-за близорукости взгляд нового хозяина, кажется, слишком уж пристальным. Вот почему мне он показался совсем недобрым. Хотя с чего я вообще взяла, что он добрый.

Он явный мизантроп...

Я рассматриваю его, он рассматривает меня, оладушки и пытается принять решение, какое не позволило бы мне почувствовать победу и остаться здесь на правах хотя бы экономки, и в то же время позволило бы ему отведать моих замечательных, ароматных оладушек.

Напряжённую тишину нарушил настойчивый вопль кота, требующий добавки хотя бы чего-то, хоть сметаны, хоть оладий, только бы дали...

— Вы всего полдня в имении и уже испортили кота. Он теперь орёт, словно имеет здесь права...

— Март! Ну так что, перемирие, пока ваши полицаи не приедут?

— Они приедут после распутицы, и это очень огорчает.

— Разве? Я шуметь не намерена, время от времени буду вас угощать чем-то вкусным, не требуя общения. Но выяснить, при каких условиях вы получили документы на дом, я бы хотела. Просто, чтобы понять, от чего отталкиваться в нашем вопросе.

— Вопросы никакого нет. У меня есть купчая, я заплатил огромную сумму, вашему мужу, нотариус все документы проверил...

— Да, но настоящий ли был нотариус? Хорошо, сейчас мы эти данные проверить не сможем. Посему предлагаю пока оставить всё как есть и не доводить до скандала, чтобы после разрешить конфликт по закону и без полиции и дела о душегубстве.

— Вы меня отравить намереваетесь?

— Почему я, у меня пока по отношению к вам агрессии нет, а вот у вас...

Чайник закипел и не дал мне сказать что-то едкое в адрес соперника.

Мы слегка дёргано, чтобы не задеть друг друга, начали суету у печки. Хозяин с чего-то решил, что я не смогу заварить чай так, как надо.

— А как вас зовут? А то как-то нехорошо, общаемся, оладьи вот есть вместе будем, а я вашего имени не знаю.

— Керн Фёдор Григорьевич, буду признателен, если вы поделитесь оладьями.

Я с великим трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. Кот Матроскин и дядя Фёдор. Шарика не хватает и почтальона Печкина. Поджала губы, утрамбовало в себе смех и щедро, аккуратно подцепляя вилочкой, наложила горочку пышной сдобы на отдельную тарелку. Он сам в плоску из крынки переложил густой сметаны, всё собрал на деревянный поднос и поблагодарив, сбежал к себе, я лишь успела крикнуть:

— Приятного аппетита, — и потом уже коту тихо. — Он явный мизантроп, но за оладушки даже мизантропы становятся чуточку милыми. Но, какой бы это ни был мир, мужчины везде одинаковые, принципы у него, видите ли, фа-фа-ля-ля, но стоит проголодаться, так готов продаться за оладушки! Ничего, приручим, сделаем из него человека, правда же, Василий Котофеевич?

— Мя-я-я-я-ю! Му-у-ур-р-р! — ответил продажный кот и снова принялся тереться мордочкой о мой подол. Одного я уже переманила на свою сторону. Мефодий и вовсе не против моего появления, осталось уломать дядю Фёдора.

Но потом я вдруг поняла, уломать? И что? Он утверждает, что купил это поместье, Верочка о сделке ни сном ни духом, так получается деньги на том счёте, что я вспомнила во время транса, принадлежат не этим прохиндеям, а мне?

— Вот чёрт! Это теперь мне надо адвокатов нанимать и поспешно? А как? И как доказать-то? Они поди уж всё растранижили...

Совершенно никаких мыслей, кроме одной, пора поговорить с Керном начистоту. Но если я признаю, что дом продан, он меня выставит, а с теми гадами, я могу потом годами судиться, и без денег вряд ли выиграю.

Смотрю на довольную, круглую морду кота и понимаю, что просто так мне из этого дела не выпутаться.

Для начала решила послушать, что скажет тот нотариус, который проводил сделку, так у меня появятся хоть какие-то юридически обоснованные данные. А потом уже решать проблемы по мере их поступления...

И первая проблема – деньги. Хорошо, если они есть, хоть немного. Но плохо то, что они всегда заканчиваются, придётся изобрести способ, как их зарабатывать.

Глава 5. Пустые хлопоты

После плотного полдника поставила таз с водой на печь, чтобы помыть посуду, потом подумала и решила ещё и в большой кастрюле нагреть, надо бы смыть и с себя дорожную грязь. Замечаю за собой, что стараюсь не звякнуть лишний раз, прям как мышка, и всё под чутким взглядом кота Василия, сидит на лавочке и головой водит туда-сюда за моими телодвижениями, всё надеется на что-то вкусненькое.

Пришлось накрыть крышкой тазик с оставшимися оладьями, с этой серой наглой морды станется и с печи утащить вкусняшку.

Фёдор Григорьевич не спешит возвращать тарелку и кружку, а я не хочу лишний раз с ним устраивать стычку на пустом месте. Посему решаю первым делом, всё же перетряхнуть вещи Верочки, и потом найти для себя комнату с нормальной кроватью. А уж после всего этого, заняться своей личной гигиеной.

Наметив «прожекты» на ближайшие пару часов, поспешила к себе в маленькую гостиную, осторожно вытащила все вещи из саквояжей, всё старьё, но есть пара довольно приличных комплектов белья, какие непременно нужно постирать и просушить на улице, тогда затхлый запах уйдёт. Остальное бы тоже надо постирать, но не могу я носить старое, хоть убейте. Как только подсохнет дорога, проеду в небольшой городок, о котором говорил кучер, всего-то вёрст пять – семь от перекрёстка и куплю себе приличные вещи.

Рассуждаю, ну такая деловая, словно у меня есть чековая книжка, счёт или безлимитная карта.

В первой сумке ничего, во второй тоже.

— Так, и куда она успела спрятать свой ридикюль, ведь помню его, тоже старенький, на длинной ручке? Был же...

Осматриваю комнату и вдруг поняла.

Под подушкой на диване она легла спать и положила самое ценное под голову.

— А вот и ридикюль, а вот и документы, слава Богу целые, а вот и скрутка с купюрами.

Развязала верёвочку, раскрутила деньги, пересчитала, оказалось, почти сто рублей. Сначала появилось неприятное чувство стыда, словно я ворую у девочки, потом вспомнила, что мы с ней при каких-то странных обстоятельствах стали одним целым, и вроде как я сейчас свои кровные пересчитываю. Скорее всего, она их копила все года три замужества, отказывая себе во всём, и именно с одной целью — вернуться в деревеньку.

— Уф, слава богу, уже хоть что-то!

Снова убираю деньги в сумочку. И ещё раз рассматриваю личные документы. Карточка, как наш паспорт, но без фотографии. Метрика и данные о крещении, плотный конверт, в котором довольно старый тоненький лист, исписанный печатными буквами, и тремя официальными печатями. Городской управы, нотариуса и самого генерал-губернатора Трофимова. Не филькина грамота, а всё серьёзно!

Наследное право на имение в деревне «Кривотолково», по наследию от матушки Елизаветы Сергеевны Нестеровой, в девичестве Гурьева. И даты, судя по всему, почти пятнадцатилетней давности, пока с трудом ориентируюсь в местном мироустройстве и календаре.

Не сдержалась, вскочила и бегом в комнату к Фёдору Григорьевичу.

— Вот! Смотрите! У меня есть документ на право собственности! — наверное, слишком громко провозгласила, что заставила его вздрогнуть.

— Боже, я чуть кляксу на листе не оставил. Вас, сударыня, стучаться не учили?

— Учили! Но этот документ...

— Вы же мне его сами вчера показали! И мы уже обсудили этот спорный вопрос, что имение, скорее всего, отошло вашему покойному мужу, как ваше приданое, и он решил продать его, на своё усмотрение. А я купил...

— Но я не давала согласие...

Говорю, и сама себе не верю, потому что меня там не было, и иллюзии памяти могли сыграть любую шутку, а муж просто заставил подписать доверенность, и она даже не поняла, что подписывает. Уверенность на право остаться в этих стенах тает как последний снег в апреле...

Раздражение дяди Фёдора тому стало ярким подтверждением.

— Да, что ты будешь делать, оно в ряде случаев и не нужно. Если вы продолжите, то я вас выставлю, поезжайте в столицу и там разбирайтесь. Или я готов потерпеть вас, — в этот момент его взгляд красноречиво проскользнул по пустой тарелке из-под оладий. — При условии, что вы прекратите суету и шум. Как только дорога просохнет, я завершу работу и проеду или вместе проедем в столицу и там разберёмся. Или вызовем местного нотариуса.

— Хорошо, поступим по-вашему, но скажите хотя бы сколько вы заплатили...

— Сто восемьдесят тысяч, за земли от реки, включая рощу, уголья за рощей и деревню, местные жители — теперь мои арендаторы.

— И всё же я чую подвох. Зря вы ввязались в это дело, Фёдор Григорьевич, мне кажется, вас облапошили.

— Полиция разберётся...

— Тогда вам надо поспешить, пока детки моего покойного мужа не спустили всё, они такие тупые, насколько я помню, что счета опустошат за неделю... И тогда будут возмещать вам убытки в год по сто рублей.

— Кхм, — кашлянул и заметно сглотнул ком в горле новый хозяин, а я молча сунула документ в карман и забрала его тарелку и кружку, уходя тихонько прикрыла дверь. Прекрасно понимая, что сделка настолько спорная, что суд, а он точно будет, может встать на сторону нового хозяина, и тогда мне укажут на двери.

Всегда есть выход и один из них — договориться с дядей Фёдором.

— Но это в самом худшем случае, — сама себя торможу на попытке отступить. Так бы поступила Верочка, начала бы умолять, просить. Но не я. За свою жизнь чётко усвоила, что нытиков не любят. Особенно мизантропы. — Завтра я сварю такие щи! Что этот мизантроп сам начнёт умолять меня остаться!

Такой план мне подходит больше, сейчас только на кухне наведу шороху, и, если надо, то прогуляюсь до деревни за продуктами, заодно хоть осмотрюсь. А там видно будет.

Глава 6. Фон-барон

На кухне нашлось всё для русских шей, в холодном уголке под столом притаилась небольшая кадка с квашеной капустой, причём очень вкусной, хрустящей, сладковатой, и чувствуется, что делали её с любовью, не шинковали, а грубо рубили в специальном корыте, эстетика так себе, но вкус отличный, самый подходящий.

Про копчёную солонину я и так помню, ещё утром раньше нашла в шкафчике, в ведре морковь немытая, и ещё какие-то овощи, возможно, репа или свёкла в потёмках не видно. Жаль, картошки нет. Но можно сделать с сушёными грибами, что ожерельем висят на нитке, забытые Мефодием, и перловую крупу, и без картошки обойдёмся, всё дело в наваре и вкусе.

Тут же перловку насыпала в миску и залила холодной водой, к утру она дойдёт до нужной кондиции и завтра быстро разварится.

Помыла в тёплой воде посуду, протёрла стол, подмела и решила отыскать себе спальню.

— Ох, барыня, это вы сами? — Мефодий вернулся с улицы с охапкой дров, осторожно положил у печи и заметил следы трудов моих праведных.

— Да, ничего сложного в этом нет. Чай горячий, вот тут вам оладьи остались, а это я себе воду поставила греться, чтобы обмыться.

— А я-то баню топлю. В бане-то сподручнее мыться. Или у вас, городских, к баням неприятие...

— Отчего же, абсолютное прятие, баню я люблю и уважаю. Отлично, скажете, когда можно будет пойти, первой или последней, я быстро.

— Да наш господин вечно до последнего ждёт, через пару часиков поспеет вода и идите.

— А тогда ещё один вопрос, спальню бы мне поудобнее и так, чтобы на ворчание хозяина не нарваться.

Старик не сдержался, взял один блинчик, целиком засунул в рот и, блаженно прикрыв глаза, прожевал.

— Вкусно, прям как в городских ресторациях. Спаленку я вам покажу, в ней ваша матушка почивали, и от хозяйских комнат подальше. Пойдёмте, ох, как бы не топать, а то...

Я и сама понимаю, чем нам грозит топот. И только кот Василий, раздосадованный, что мы покинули самое важное помещение, помчался впереди, посекундно оборачиваясь и требовательно мявкая. Допрыгается, что дядя Фёдор его из дома выставит.

Мы очень быстро, но смешно крадучись, как шайка грабителей мимо спящего вахтёра, прокрались мимо закрытой двери хозяйского кабинета, и через три комнаты Мефодий распахнул передо мной дверь в четвертую.

— Вот тута они-с и жили. Постельное в шкафу, должно быть. Сами понимаете, прачки и кухарки в доме нет. В деревеньку ношу, там наша Пелагея стирает, штопает. Вот подушки, одеяла, всё как надоть. Берегли, пока дом без дела стоял.

Осматриваю миленькую комнатку, в которой уже лет двадцать никто не делал ремонт, но всё равно она женская, уютная, приятная. И пахнет травами, явно от моли и прочих незваных жучков, каждую осень развешивают и в шкафы кладут. Эти запахи так напоминают деревенский домик бабушки. Прям, как домой вернулась, так хорошо на душе, спокойно, что я решила расспросить слугу о господине.

— Отлично, мне подходит. А скажите-ка мне, Мефодий, что у нашего барина за работа такая важная?

— Так, толмач...

Я даже поморщилась, не сразу поняла смысл, показалось, что это что-то церковное, старообрядное. Но Мефодий тут же пояснил:

— С одного языка на наш-то переписывают книжки дюже умные, я раз взглянул, ни бель-меса не понял, уж такие там знаки, что кто-то бы подумал, что это что-то запретное. Но вроде как учебники для учёных. Больше сказать не могу. Но состоятельный, денег не считает, с нас и аренду-то толком не берёт, мы его очень любим и уважаем за это. Еду ему деревенские приносят с радостью, только бы жил, да не продавал.

Он говорит неспешно, тихо, постоянно сбиваясь на деревенский говор, видимо, с ним хозяин городской речью почти не общается, а старые лакейские привычки уже давно позабыты. Он и не лакей, а смотритель нашего дома, хранитель памяти...

— А мою семью любили? — вдруг какая-то ревность кольнула под лопаткой, нахваливает дядю Фёдора. А как же мы, неужели такими плохими помещиками были?

— Как не любить, любили и уважали, вы люди милые, пригожие, матушка ваша очень сердобольная, да в городе курсы медицинские окончила. Все к ней за советом ходили, оттого и померла, хворобу какую-то подцепила от проезжего-то, привезли ей какого-то страдальца, они-с его выхаживали, да и сами заразились. Вот и делай людям добро. А потом и батюшка ваш от тоски...

Он рассказал мне трагическую историю, и я заметила слезинку в его выцветших глазах. А у меня сильнее сжалось сердце от нестерпимой боли и тоски.

— Спасибо, что рассказали и что помните бывшее, я уже и забыла.

— Ну да, вам годиков всего ничего было. Вас в приют благородных-то и отправили...

Я решила сменить тему, про прошлое пока не могу и даже не имею права рассуждать, и Ваське понятно, что жизнь Веры в приюте была ужасной. Бедная девочка, но у меня другая проблема.

— А чем село зарабатывает? Есть какой-то промысел?

— Да вроде нет. Как все крутимся: скотина, огороды, кто-то вяжет, кто-то лыко дерёт и корзины плетёт, по мелочи. На рынке приторговываем.

— А семена для огородов где-то купить можно? Я бы тоже посадила около усадьбы? Есть же место?

— Да, есть, полно от бани и дома, да и по уклону к реке, но по праву руку-то, хоть всё перепахать можно, там и было поле. А что вы хотели-то? У нас пшеницы не растут, капусту, маркошку, свеколку, редьку, вот и весь наш выбор невеликой, ну кто-то ещё огурцам промышляет бочками солят и в город, а больше-то чем – нечем.

Вот эта мысль про огурцы именно то, чего я и ждала, значит промысел есть, но его не афишируют, чтобы не платить лишнюю подать хозяину, хитрые какие...

— Так, а семена где купить? Я бы денег дала...

— А на днях наш староста в городок-то поедет, для всех закупит, и вам привезти могёт, семена дело копеечное, чай не обеднеет. Прямо сажать хотите?

— Ничего другого мне пока не остаётся, с капусты хоть какой-то прок. Её и хранить удобнее всю зиму, и насолить можно, и щи, и пироги, может, если ещё тыквы есть, то можно и тыкву.

Наш разговор перешёл на простую деревенскую и понятную тему. Мефодий выслушал мои пожелания и согласился:

— Это вы верно подметили про капусту, и с тыквой такая же штука. А то, как хозяин уедет, а вы останетесь, и будет вам подспорье. Скажу старосте про семена, завтра же и скажу. Ну всё, пойду гляну на баньку-то, вдруг прогорела, долго шельма греется, большая, ух большая, а нам-то теперь куда такую большую баню-то...

Пошёл, ворча себе под нос, но около двери Фёдора Григорьевича замолчал и быстренько сбежал, не вызвав бурю протестов от толмача.

Я ещё раз осмотрелась, именно из этой спальни мне платья Мефодий-то и принёс. Пришлось так же крадучись перенести все пожитки сюда и отобрать те вещи, что нуждаются в

срочной стирке. Заправила постель, открыла шторы и посмотрела на улицу. Обычный весенний пейзаж, кое-где проталины, грязь, как снег сойдёт да земля подсохнет, найму деревенских, и пусть мне вспашут землю. Думаю, что на первое время штук двести кочанов мне в самый раз будет. Уж я столько рецептов знаю, и самый коронный – красный. Капуста со свеклой, я уже предчувствую, что она здесь приживётся. Есть же фермерские хозяйства, кто делает квашеную капусту в город, а здесь огурцами торгуют, но огурцы хлопотные, им теплицы нужны. А я пойду простым путём.

Почему зацепилась именно за капусту, понятия не имею. Шить я не особая любительница, вязать умею, но чтобы прожить, это надо с утра до самой ночи спиц из рук не выпускать. Делопроизводство я местное не знаю, да и такая работа только в столице, а раз Вера оттуда уехала, то ловить там нечего. Здесь какой-никакой угол, кот и скромные перспективы на права собственности.

Кстати, об угле...

В комнате обнаружилось небольшое зеркальце, чуть меньше размера офисной бумаги. Притаилось внутри шкафа, открыла я дверцу, чтобы проинспектировать содержимое, оно сверкнуло отсветом от окна и показало мне новое лицо.

В первую секунду в глазах потемнело, голова закружилась, но тут же прояснилось сознание, очухалось, и отражение с великим любопытством уставилось на меня. Конечно, это я себя так пристально рассматриваю. И то, что я увидела, мне очень понравилась, славянская внешность налётом северной красоты. Светлые глаза, округлые щёчки с ямочками, слегка пухлые губы и хорошие зубы, что крайне ценно в мире без стоматологии. Это личико начинает сиять, стоит улыбнуться, должно быть, Вера рождена чтобы быть весёлой и счастливой. Такой и была, до гибели матушки, а в пансионах смешливых детей не любят. Затюкали её бедную, загнобили, а потом и мужёнок со своей мерзкой роднёй. И теперь мне понятна лютая ненависть Авдотьи, это простая бабская зависть к естественной красоте молодой мачехи...

Налюбовалась собой, прикрыла дверцу шкафа и вздрогнула, потому что рядом оказался дядя Фёдор, он и сам не ходит, а левитирует по дому, как призрак, даже не услышала его шагов.

— Вот вы где, Вера Степановна.

— Да, если вы не возражаете, то пока займу комнату моей матери.

— Не возражаю, все возражения выслушает нотариус и юрист. Вот, кстати, я по этому делу. Не могли бы вы мне дать или если не доверяете, то продиктовать все данные из вашего документа. Скоро староста в город верхом поедет, с ним отправлю письмо в столицу. Раз вы утверждаете, что ваши родственники — люди не самые порядочные, то лучше делу дать ход побыстрее.

— Я сейчас никому не доверяю, но продиктовать данные могу, пройдёмте в ваш кабинет, если это удобно?

— Удобно. Неудобно, что вы здесь появились и переворачиваете мой уклад жизни с ног на голову. Мне только этих забот не хватало.

Он проворчал, но быстро развернулся, и я за ним. В кабинете догорают свечи, света мало, но я успела ему продиктовать данные о моих правах собственности. А сама думаю, спросить его про капусту или всё же не стоит.

Не решилась...

— Я завтра планирую сварить щи, на вас делать или вам моя стряпня не понравилась? — ух, знаю, что провоцирую и хожу по краю, но хочется его слегка подколоть.

— Мне нравится любая здоровая еда, и желательно свежая. Я позволяю вам готовить на моей кухне, и использовать все продукты, таким образом вы хотя бы оправдаете своё пребывание здесь.

— Будет исполнено, ваша светлость, — присаживаюсь в книксен.

— Я не граф! — он не успел уловить мой сарказм.

— Да и я не кухарка! — разворачиваюсь и выхожу. Меня уже ожидает Василий, что-то промурчал по-кошачьи, и я ему ответила:

— Представляешь, Василий, я должна оправдать своё присутствие здесь, смотрите какой у нас фон-барон нашёлся, прям на драной козе не объедешь!

— Я всё слышу!

— Я на это и рассчитываю, Ваше Сиятельство! — крикнула довольно громко, рискую, очень рискую, но пресмыкаться не буду. Пусть привыкает!

Глава 7. Щи...

Со щами я, конечно, спалилась!

Да я и с оладьями спалилась, но не так сильно, как со щами.

Наварила чугунок, напарила до состояния знатности, но упустила один весьма существенный момент.

А дело было так.

Сначала прямо в чугунке, потушила морковь и мелконарезанные кусочки копчёности. Выбрала зажарку и, оставив только жир, засыпала в чугунок размякшую перловку, немного перетёртых сухих грибочков и залила тёплой водой. Поставила в печь на два часа, чтобы к мягкости крупы вообще никаких вопросов не возникло. Потом в чугунок вернула зажарку и ещё некоторое время дала повариться, чтобы из отдельных ингредиентов получился ансамбль, пусть не песни и пляски, но вкус должен соединиться, и уже потом щедро добавила квашеной капусты. Теперь уже закрыла крышкой и оставила до обеда. Уж аромат по дому разошёлся, что ни в сказке сказать, ни пером описать...

Даже без картошки щи получились великолепными. Всё дело во вкусе копчёного мяса, и квашеной капусты.

Я хоть и не кухарка, но сама вкусно поесть люблю.

На обед пришёл Мефодий, я ему налила полную тарелку щей, и он, не переставая нахваливать вприкуску с тёмным деревенским хлебом, съел всё, но добавки не попросил:

— На полное пузо работать не сподручно, а я карету починяю, дело важное, ответственное. Ну спасибо, уж вы уважили. Неудобно, как-то не барское это дело — щи варить, но так и щи барскими получились.

Он сам помыл за собой тарелку, а потом вспомнил:

— Семена, сегодня вечером-то привезут. Я рано утром-то к старосте заходил, письма господские отнёс и про вашу просьбу упомянул. Удивились все, уж и не чаяли, что вы вернётесь-то...

— Вернулась, но скажи, денег-то сколько-то надо?

— Да Бог вас упasti, нет, не обижайте, от чистого сердца.

— Тогда мне ещё для рассады надо земли несколько вёдер накопать, чтобы успели прогреться. И какую-то посуду.

— Ящики цветочные есть, старье, но крепкие колоды. На чердаке-то лежат, может, и хватит вам для развлечения...

Он ещё помялся на кухне, прикинул, что дров пока хватит, и вышел.

Теперь настал мой черёд обедать. В столовую решила не тащиться с подносом, перед кем тут чиниться, сама сварила, сама съела, сама посуду помыла...

Налила себе щей, отрезала тонкий кусок хлеба, на него тоненький шматок сала и с великим удовольствием села за стол. Первая же ложка наваристых, в меру кислых и едва солоноватых щей, превзошла все мои ожидания. В городской квартире такие щи никогда не получатся, не хватает того самого аромата русской печи.

— Вера Степановна...

На пороге кухни появился голодный, но не Васька кот, тот уже сала нажрался от пуза и умчался по мартовским делам. Нет, передо мной возник дядя Фёдор и с таким голодным видом...

— Я вас очень внимательно слушаю.

А сама очередную ложечку, да с гущей отправляю в рот и улыбаюсь. Авось за щи продастся и уступит мне имение.

— Могу я?

Он снова замялся. Вот подкалывать у него не ржавеет, а попросить тарелку шей гордыня не позволяет.

— Вы всё можете...

— И всё же, сделайте одолжение...

Недосказанность, ах как ему трудно-то, улыбаюсь, чувствую, как играют на щеках мои зазорные ямочки.

— Вы хотите шей? Вам здесь подать? Мы же уже выяснили, что я не кухарка у вас, по крайней мере, пока все вопросы не утрясются. Но так и быть, в тарелку вам налью, погуще или пожиже?

Пришлось встать из-за стола, и как-то так само получилось вильнуть бёдрами, очень уж по-женски завлекательно.

— Погуще, если вас не затруднит.

Наливаю в большую и глубокую тарелку шей, ставлю на стол и начинаю резать хлеб.

— Не думал, что вы атеистка...

Замираю с ножом и хлебом, смотрю на него, смотрю на тарелку, в которой на поверхности плавают кусочки сала и мяса...

Пост! Как же я забыла, что весной самый строгий пост?

— Я? Ну, грешна. Забыла. Если вам религия не позволяет, можете взять хлеб и кипяток, — моя совесть позволила ёрничать, раз уж мы поняли, что моя набожность оставляет желать лучшего, то я решила гнуть свою линию. Мефодий вообще ничего не сказал, съел и довольный пошёл работать.

— Я не настолько воцерковленный, чтобы отказываться от вкусной стряпни, и если уж говорить серьёзно, уж лучше такой грех замаливать, чем совершить смертный и не раскаяться. Делаю серьёзную физиономию и киваю.

— Абсолютно с вами согласна. Быть ханжой куда более грешный грех, нежели не дать салу заветреться и прогоркнуть.

— Воистину!

Он впервые улыбнулся, а ему очень идёт улыбка. Однако наш лёгкий еретический флирт смутил и его, и меня. Как дети малые, ей-богу. Дядя Фёдор забрал свою тарелку, кусок хлеба, ложку, и поспешил в столовую, до плебейского обеда на кухне его демократизм ещё не дорос...

— Добавку если захотите, то сами, а тарелку в таз с тёплой водой, после помою! — кичу вслед дикому мужчине, начавшему реагировать на вкусную еду. С руки пока не ест, но уже прогресс.

— Хорошо, и спасибо, не успел поблагодарить за обед!

— Всегда пожалуйста, обращайтесь! — кажется, и в этой схватке я победила.

Но нам предстоит нешуточное сражение, какое я вполне могу проиграть.

Место под солнцем. И теперь это не метафора, а подоконники на окнах с солнечной стороны дома. Если дядя Фёдор взбунтуется, то хана моим начинаниям, вообще не позволит заниматься хоть каким-то хозяйством.

В этот момент на чердаке слышались гулкие шаги, ох, нравится мне Мефодий, мы ещё только разговор затеяли, а он уже за ящиками полез. Надеюсь, наш хозяин не догадается до времени, о партизанской войне за капустные поля...

К вечеру в сених, прикрытые старой мешковиной, притаились старые вёдра с мёрзлой землёй, а сбоку довольно много ящиков, на сотню или даже две саженцев хватит, вопрос в другом, где взять столько подоконников.

Но пока у меня нет даже семян, потому сижу в своей комнатке и привожу в порядок те скудные вещи, какие у меня есть. Скорее бы дорога просохла, каким образом я попаду в город, пока понятия не имею, карета не моя, а Фёдор вряд ли мне позволит. Придётся налаживать контакт с местными. И просится в попутчики к тому же старосте.

Очень надеюсь, что добрая память о родителях Верочки позволит мне рассчитывать на помощь селян.

Глава 8. Гостья

После провала со щами я стала осмотрительнее, как разведчица в стане врага. И так уже начинаю выдавать своё иномирное происхождение на мелочах, кто их знает, этих местных. Дядя Фёдор вроде не ханжа, но ради того, чтобы от меня избавиться, может и эту тему к делу пришить.

Понимаю, что надо вести себя скромнее, и пытаюсь, насколько хватает сил.

Посему теперь еда стала в нашем тихом доме проще и постная. Каши с подливой из сушёных грибов, морковь жареная, да всё с квашеной капустой, или солёными огурчиками, но сливочное масло я себе позволяю использовать, слишком постное в рот не лезет, нет никаких сколько-нибудь приличных приправ.

И всё равно Фёдор Григорьевич, да и Мефодий хлебом тарелки обтирают и нахваливают каждый в меру своей общительности и дружелюбности.

Приятная новость, что семена уже у меня, а ящики и землю хозяин не обнаружил, а может быть, посчитал это за какое-то богатство Мефодия. Делаю вид, что меня сии таинственные дела вовсе не касаются.

Понемногу, украдкой, и очень тихо начинаю пока наводить в доме порядки. Чтобы не скиснуть от безделья. Вытряхнула все половики, какие-то и вовсе убрала, перемыла полы, окна в столовой, гостиной, и в своей спальне. Второй этаж решила пока не трогать, там спальня «Его Сиятельства», как я его иногда дразню.

А он пару раз огрызнулся: «Что с тёмной кухарки взять, если она никакой субординации в табеле о рангах не смыслит!».

На том и расходимся. Но моя кулинария его окончательно зацепила, даже постная, и та заставляет Фёдора Григорьевича осознанно терпеть моё присутствие. Грибная подлива с гречкой стала топом, если бы не пост, дожала бы я его на окончательное перемирие.

Чувствую и то, что ему нравится мой настойчивый подход к чистоте и порядку, а главное, что всё это я делаю в крайней степени тихо.

Через пару дней новолуние, вот тогда и начну заниматься с рассадой, надеюсь, что он меня не застукает за сим преступным занятием. А застукает, совру, скажу, что цветочками балуюсь...

После плотного обеда навожу на кухне порядок и показалось, что услышала звон колокольчиков.

— Да нет! Кому надо в такое время приезжать...

Сама себя успокоила и предложила насухо вытирать чистые тарелки.

Мефодий принёс новости, что колокольчик не померещился:

— Барыня, к вам какая-то девица из города, расфуфыренная, говорит, что непременно должна вас увидеть...

Вид у меня зачуханный, руки неухоженные от трудов праведных по дому. На голове вообще не пойми что...

Самое то, что надо, чтобы девиц встречать и привечать.

— А откуда они узнали, что я здесь, может, к барину? Пойду к себе пока спрячусь.

— Да нет же, к вам, про ваше возвращение уж весь город гудит, староста-то съездил в город давеча, так всем и разболтал, а вы же вдова, генеральша...

Настроение моё деловое скисло и уступило место страху.

— Слушай, проводи её в гостиную, я сейчас хоть немного себя в порядок приведу и выйду. Ой, ещё и чай же надо.

— Да, чай-то я вам подам. Не переживайте, и в гостиную гостью-то провожу.

— Сделай милость. Ох, не простит нам этот визит Фёдор Григорьевич...

Мефодий развёл руками и философски заметил:

— Тут уж ничего не попишешь, общество-с, от него разве токмо в тёмном лесу, да и там отыщут любопытствующие.

— И то верно. Всё, нехорошо заставляя гостью ждать. Сейчас выйду.

Пулей промчалась в свою комнату, на ходу расстёгивая пуговицы на стареньком платье. Натянула самое приличное, волосы хоть немного призвала к порядку и шпильками подоткнула. А на плечи накинула цветастую шаль, что обнаружилась на полках старого шкафа.

— Вид ужасный, но тут уж ничего не поделать, я – нищенка, приживалка, и с меня этой девице ничего не обломится. Наверное.

Одного взгляда на гостью стало достаточно, чтобы понять, что она приехала вовсе не ко мне.

— Добрый день, сударыня, — чуть было не сказала лишнего: «Какого лешего вас сюда занесло!», но опомнилась и миролюбиво, улыбнувшись, решила зайти с другого конца. — Как же вы в распутицу решились проехать? Не укачало ли? Сейчас чаю с дороги подадут, не вызыщите, мы люди очень простые, да и пост...

Незнакомка с великим разочарованием осмотрела мою нищенскую фигуру в шали не то, что прошлого сезона, а прошлого века. Надо сказать, она очень миленькая. Шатенка, с пухлыми щёчками, яркими живыми глазами, и очень курносая. Миловидность слегка граничит с глуповатым образом куклы. Но это лишь первое впечатление, и она в себе очень уверена. Одета добротно, но слегка вычурно, хотя кто я такая, чтобы судить о местных модных течениях.

— Благодарю, сударыня. Доехала хорошо. И меня привело к вам чувство долга. Ой, простите, не представилась, Гоголева Наталья Ивановна, дочь уездного главы Гоголева Ивана Захаровича, мы уж и не чаяли, что вы когда-либо решите вернуться.

— Да, неприятные обстоятельства вынудили...

— Соболезную вашей утрате, ведь быть женой генерала, это почти что губернатора. Вы непременно должны посещать наши собрания, хотя бы раз в месяц. Местные дамы жаждут с вами познакомиться.

— Боюсь, что это невозможно, я стеснена в средствах, и дом сейчас...

Чуть было не выдала секрет о том, что я здесь незаконно и поместье мне не принадлежит. Но Наталье Ивановне это знать не обязательно.

Мефодий расстарался, принёс пузатый фарфоровый чайник, чашечки и в маленьких вазочках мёд, варенье и какое-то печенье и где только откопал.

И чашки на столе оказалось три...

— Мы все люди очень простые, и, кстати, если вам нужны наряды, простите мою прямолинейность, но у нас есть прекрасная модистка. И берёт недорого. О рукоделии вашей матушки до сих пор ходят легенды, может быть, и вы наделены талантом шить?

Она, видимо, сполна насмотревшись и насытившись моим зачуханным видом, осмотрела с таким же разочарованием гостиную, видимо, не только о рукоделии матушки ходили слухи, но и о богатстве усадьбы...

В этот момент в гостиную вошёл Фёдор Григорьевич, явно собиравшийся меня пожурить за громкие разговоры, но замер на пороге и мгновенно был замечен гостьей, потому не рискнул просто так сбежать.

Наталья Ивановна засияла!

Встрепенулась, на устах улыбка, а глаза теперь сияют ярче солнца на рассвете. Не я вызвала у неё скуку, и не ко мне она приехала. Ей давно нужен был повод познакомиться с молодым холостяком, потенциальным женихом, о котором уж точно ходят легенды и в селе, и в городке.

— Ах, Вера Степановна, представьте нас...

Сладеньким голоском пролепетала Наталья и трижды моргнула, сама же сделала шаг к своей «жертве» обольщения и протянула маленькую пухленькую ручку в чёрной кружевной перчатке.

Керну пришлось пожать руку дочери градоначальника, но целовать не стал, потому что в этот момент услышал, как я его назвала, и хотел было возмутиться, но кто же ему позволит.

— Мой квартирант! — на этом слове я сделала очень яркое ударение и так зыркнула на дядю Фёдора, что тот вдруг осёкся в своём протесте, и промолчал о правах на дом, а я продолжила. — Фёдор Григорьевич Керн, знаменитый переводчик научных трудов, приехал в нашу глушь для поиска вдохновения и тишины. И мы с Мефодием, ратуя за науку, всячески помогаем нашему постояльцу в его непростых трудах.

Керн чуть было не прикусил свой же язык. Уставился на меня с дичайшим недоумением: это потому, что я его так расхвалила или посмела дважды назвать квартирантом?

— Ах, как это волнительно, НАУКИ! В нашей глуши встретить настоящего учёного так же сложно, как увидеть слона...

Наталья пролепетала сладким голоском комплимент и попыталась продемонстрировать свою эрудированность весьма странной метафорой, сравнив учёного мужа со слонем.

Улыбаюсь, ликую. Керн сейчас сполна получает то, чем бы его награждала любая из женщин — общением на совершенно глупые темы. Вот пусть сравнивает и осознаёт, что лучше меня ему компаньонки не найти, по крайней мере, на ближайшее до суда время.

— Может, чай? — предлагаю на правах хозяйки и улыбаюсь.

— Благодарствую, я лишь заехала провести и пригласить вас на собрание, что состоится через неделю, в смысле женское собрание нашего маленького светского общества, нам было бы интересно узнать про жизнь в столице.

— Ой, боюсь вас разочаровать, сначала я жила в закрытом пансионате для девочек со строжайшей дисциплиной, потом меня выдали замуж за почтенного, уважаемого человека, через некоторое время он тяжело заболел, и я три года была при нём сиделкой, не видя белого света. Так что ничего о жизни столицы не знаю.

И делаю скорбное лицо, несчастной страдальцы, причём искренне, потому что реальность, какую я помню, ещё грустнее, чем её краткое изложение.

— Вы героиня! Не каждая женщина вот так будет самоотверженно выхаживать больного мужа. И вы, наверное, собираетесь вернуться в столицу после того, как уладите дела здесь, — неугомонная Наталья не может остановиться в своих провокационных вопросах. И пока я подбирала верные слова, дядя Фёдор отомстил мне за квартиранта.

— Да, как ни прискорбно, но скоро Вера Степановна вернётся в столицу, как только позволит дорога, так сразу и отбудет. Дела, знаете ли... — Керн с очень расстроенным видом выдал свой план на скорейшее моё изгнание.

— Какая жалость, — гостя с неподдельным разочарованием произнесла эту фразу итак посмотрела на Керна, что стало ясно, о какой жалости идёт речь. Без меня молоденькой девице делать в поместье нечего, а выкурить или выманить красивого, загадочного, учёного отшельника — невозможно.

— Да, очень жаль, но я не спешу, возможно, задержусь до осени, и мы ещё встретимся.

— Ах, как прекрасно, как это прекрасно, до осени я непременно приеду к вам в гости на следующей неделе и привезу наши восхитительные калачи и пастилу к чаю. До скорой встречи, и всё же, как дорога подсохнет, приезжайте, наш дом все знают, в любое время и я сведу вас с нашей модисткой.

Надо признать, самообладание у девушки есть, сдержалась, не проявила явную симпатию, но я намётанным женским взглядом вижу, что она уже влюбилась в Фёдора, в её сознании и венчание произошло, и детей она нарожала, и теперь счастливо живёт с красивым мужем

УЧЁНЫМ где-то в столице и всем рассказывает, какой её муж замечательный и прогрессивный.

Стоило проводить навязчивую новую «подругу», разворачиваюсь и улыбаясь произношу роковые слова:

— Сударь, поздравляю, она пиранья, и всё что угодно сделает, чтобы женить вас на себе.

— Но я всего лишь квартирант? И у меня два варианта: первый уехать самому, потому что здесь находиться с каждым днём всё труднее, либо выставить вас за дверь, отправить в столицу, и тогда Наталья не получит достойного предложения досаждать мне. И заодно избавлюсь от вас.

— Ну и, пожалуйста. Хотите, чтобы я уехала, уеду, как только адвокат или юрист подтвердит законность вашей сделки с моим прохиндеем мужем, что б ему и его деткам. Надеюсь, вас до конца дней будет истязать совесть, за то, как вы жестоко со мной поступили.

Меня немного занесло, и я заговорила резче, чем следовало, а он тоже не отказал себе в возможности сказать гадость, но увы, по существу, отчего мне стало вдвойне обидно и не за себя, а за беззубую Веру.

— Странно, что вы, сударыня, не стыдили тех, кто вас действительно обокрал? Ведь если вы так долго и самоотверженно ухаживали за смертельно больным мужем, то хоть какую-то благодарственную сумму, они обязаны были вам оставить? Не так ли?

На этот жестокий вопрос у меня не нашлось ответа, просто ушла к себе, пусть не рыдать, но всё же подумать есть о чём...

Глава 9. Перемирие?

Естественно, что в город я не поехала, надо было и Наталье Ивановне сказать, что у нас карета в ремонте, но боюсь, что она бы придумала способ, как нас вытянуть в свет.

Жаль, мне не с кем посоветоваться насчёт пикантной ситуации. Я одинокая, ещё молодая вдова и живу под одной крышей с молодым, неженатым мужчиной. И если люди не знают деталей наших проблем, то надумать могут таких сказок, что когда узнаю, то от стыда сгорю.

Решила пока не думать на пугающие темы, на которые пока и повлиять не в состоянии. У меня других тем полно, и прежде всего – огород.

Очень тихо, по-партизански начала работать с землёй. Ящики для рассады здесь странные, не сколочены из досок, а колоды, зато нет швов, какие бы от времени давали течь и грязь на подоконниках, а судя по старым процарапанным буквам каждый из ящичков предназначался под какой-то сорт цветов. Знать капусту не сажает, она цветочками обязана баловаться. Как будто в голодный год их можно есть.

За первый день умудрилась засеять десять ящичков, чуть было не попалась, но вовремя спряталась в чулане, когда Фёдор выходил на двор мимо меня.

Но бардак заметил, постоял у ведра с землёй, хмыкнул и ушёл по своим делам. Я скорее всё прикрыла, подмела за собой и унесла последний ящик в небольшую гостиную на солнечной стороне дома. Остальное доделаю завтра, когда Керн потеряет бдительность.

Скрыла все следы своих преступлений, отмыла руки и принялась готовить «простенький» ужин, вареники с квашеной капустой. Отжала, мелко-мелко порубила ножиком на доске, но попробовала начинку и поняла, что без небольшого кусочка сала – вкус вообще не тот. Снова нарушила пост. Изрубила в кашину небольшой кусок сала, смешала с отжатой капустой и показалось идеально.

К тесту претензий нет, вода и мука – совершенно постное.

Пока лепила, сидя спиной к дверям, лицом к окошку, услышала, что дядя Фёдор подошёл к дверям, постоял и сбежал. Прямо как кот, контролирует, будет ли сегодня вкусный ужин.

«Ну, ну, посмотрим, как ты заскучаешь, когда придумаешь способ от меня избавиться. Наташка тебя сразу и сцапает» — очень тихо нащёптываю коту очередную сплетню, а тот приподнял мордочку, посмотрел на меня и поддакнул, что права я, абсолютно права. Дурак будет дядя Фёдор, если такую хозяйку из дому прогонит.

Улыбаюсь, хотя бы Васька Матроскин понимает, что к чему...

Отварила ровненькие, красивые вареники и слегка обжарила до золотистой корочки, красиво выложила их на тарелке и понесла в гостиную. На кухне уже темно ужинать.

— Фёдор Григорьевич, если вы любите вареники с капустой, то милости простим к столу, — не сдержалась, крикнула, и тут же пожалела, вспомнила нашу последнюю стычку и его злые слова, а сейчас выглядит, будто я перед ним заискиваю. Надо было на кухне оставить, пусть бы сам забирал.

— Благодарю вас за ужин. Ваши блюда каждый раз приятно удивляют.

Нарочито сдержанным и галантным тоном произнёс комплимент, проходя к сервированному столу. Вроде комплимент, но мне теперь в каждом его слове чудится сарказм.

— Благодарю вас, очень приятно, что я оправдываю своё существование здесь...

Так же отвечаю, и увы, обида дала о себе знать.

Фёдор присел, и решил сам за собой поухаживать, чтобы я не могла проявить лишнюю заботу, как будто идеальных вареников мало, поди сделай, и поймёшь, сколько труда вложено, но снова промолчала, похвалил же.

Он словно услышал поток моих сердитых мыслей и подчёркнуто интеллигентным, с нотками назидательности тоном решил «извиниться», но очень своеобразно.

— Я вас несколько задел, но согласитесь, это правда, родственники вашего мужа поступили с вами подло, насколько я могу судить о произошедшем. Судить, но не осуждать. И прошу ко мне иметь такое же снисходительное отношение впредь. Я не тот человек, кто намеренно причинил вам боль и страдания. Поверьте, у меня не было никогда таких намерений и не будет впредь. Но у меня так же есть права, и я обязан их защищать...

Он очень культурно вилочкой придавил один вареник и ножиком попытался отрезать, по гостинной прозвенел отвратительный звук скрипа металла по керамике.

Бр-р-р-р!

Демонстративно взяла вареник в руку, за самый кончик и откусила, не издеваясь ни над продуктом, ни над приборами, ни над нашими ушами.

Керн долгим взглядом проследил за моими несложными манипуляциями, и поступил так же с первым и со всеми последующими варениками.

— Очень вкусно. Я ел подобное блюдо давно в детстве, моя бабушка делала ровно такие же, а ещё с ягодой и творогом.

— Я такие тоже умею. Но простите, я уловила в вашем пассаже про виновников и обидчиков некую попытку на перемирие, или мне показалось?

Он прожевал очередной вареник и ненадолго завис, принимает решение выдать мне какую-то тайну.

Я уже сама догадалась, вчера к нам кто-то заезжал по дороге в город, и я даже не поняла, кто это был, и не спросила у Мефодия.

Посыльный.

Жду.

— Мой адвокат прислал письмо...

— И?

Судя по тому, что он сейчас говорит, и как говорит, начинаю подозревать две крайности или всё ужасно, или я победила.

Он решился.

— В сделке обнаружились мелкие неточности, но не такие, чтобы можно было решить до суда в чью-то пользу.

— Значит, суд?

— Значит, суд, и мой адвокат советует, не соглашаться на полюбовное, потому что я в таком случае потеряю большие деньги. Я человек состоятельный, однако не люблю, когда на мне пытаются нажиться. Посему суд, и его, скорее всего, назначат на осень. А пока никаких сделок, и адвокаты ищут виновников этого происшествия...

— Значит, я победила? — мои ладони начали гореть огнём.

— Нет, семьдесят процентов успеха на моей стороне, плюс отличный адвокат и средства. У вас, сожалею, никаких ресурсов нет, но на вашей стороне некоторые неточности в проведении сделки, какие суд, вполне вероятно, может счесть незначительными. Не говорил, потому что не хотел вас расстраивать ещё больше.

— Благодарю за заботу. Но тридцать процентов у меня всё же есть. Нельзя недооценивать удачу.

— Если вам так легче, то верьте в лучшее, это весьма похвальное качество личности. До суда я не имею права вас выселить насильно, но хочу напомнить, что совместное проживание со мной под одной крышей крайне негативно сказывается на вашей репутации. Вам стоит об этом подумать.

Выдыхаю, ситуация нервная, я праздную маленькую победу с привкусом горечи, потому что он во всём прав, а у меня есть только отсрочка.

— Моей репутации уже мало что может повредить. Я вдова, обманутая, бездомная, с крошечкой суммой в кармане, какой хватит лишь на месяц жизни. За этим порогом меня ждёт

нищета и какая-нибудь ужасная работа. О репутации поздно заботиться, я уже начинаю заботиться о выживании.

Ожившие желваки на его серьёзном лице выдали нерв, по которому я умело прошла...

— Сменим тему, — вдруг он сам решил уйти от очень непростого разговора, и я ему за это благодарна, но не от всего сердца. Потому что следующий его провокационный вопрос чуть было не стоил мне жизни. — Я заметил эти длинные ящики с землёй, вы занимаетесь ботаникой? Что-то посадили и не спросили моего мнения?

Я чуть было не подавилась, продышалась и с самой невинной улыбкой соврала:

— Цветы! В память о матушке и своём детстве хочу посадить цветы.

— О, женщины, из ничего могут сделать потрясающее блюдо, заполнить пространство цветами, и устроить скандал.

— Я не скандалистка.

— Я на это не делал намёков, но увы, в первый же день вы рыдали так, что небеса замерли.

— Это от невероятной усталости, пять вёрст по распутице и с сумками, не каждый мужчина выдержит, так что добавьте к вашему списку про блюда, цветы и скандалы, ещё выносливость, и терпение. Странно, что вы до сих пор не женаты...

Он всё время проходил по моей личности, и я решила слегка надавить на его эго. И сразу получила отповедь.

— Моя личная жизнь вас не касается.

— Но меня будет пытаться Наталья, она уже в вас влюблена, думаете, эта девушка оставит свои попытки вас захомутать? Ей плевать, кто вы по профессии, какой у вас опыт, главное симпатичный, интеллигент, помещик — вы предел её мечтаний. Не завидую я вам в ближайшие недели. Она опытная воительница, и будет брать вашу крепость приступом. Так что ей сказать? Может быть, скажем, что вы женаты?

Он вдруг вилок с большой тарелки перекинул себе ещё несколько вареников, забрал свою еду и чай и молча вышел.

— Так, так, так. У нас ещё и здесь куча секретеров.

— Мя-я-я-яу! — громко напомнил о себе Василий, жаль, что он ничего не знает о нашем соседе, очень жаль.

Глава 10. Муж?

Дядя Фёдор простил мне слабость к цветам. Лишь однажды заметил, что их подозрительно много, я тут же ответила, что территория большая, посему сделаю несколько клумб.

Видать, в ботанике он профан, — капуста дружно проклюнулась, и скоро уже пикировку бы надо делать, и я сейчас судорожно ишу подходящие ёмкости, но как назло ничего нет. Чувствую, что придётся оставлять как есть, рискую, очень рискую.

За советами пришлось прогуляться в деревню, познакомилась со старостой, и меня очень тепло встретили, угостили чаем, постными ватрушками, мы долго разговаривали о сельской жизни, и я решилась выдать своё коммерческое предложение о «заморских» закусках.

Лаврентий Палыч почесал бородёнку, не сразу поняв, о чём идёт речь, пришлось ему ещё раз объяснить.

— Про капусту-то я понял, но красная, она же не простоит долго? — со знанием дела выставил контраргумент, и его молчаливая жена кивнула.

— Маринад с яблочным уксусом. Главное — наладить торговлю, на рынке бы...

— Слушайте, Вера Степановна, а что мы о пустом, давайте так, у нас на рынке в городке есть человек и место торговое, можем вам отдать овощей-то, ещё есть в запасе, вы свою рецептуру сделайте, а мы попробуем продать. Если народ распробует, то и будет нам ответ на все вопросы.

— А это отличная идея.

— Тогда завтра к вам и завезу на повозке, мимо поеду в городок, может вам ещё чего-то купить?

— Чеснока на посадку, и лук я что-то про них в прошлый раз забыла...

И полезла в карман за деньгами, но староста запротестовал:

— Такая мелочь, особенно ежели ваши соленья пойдут, то у нас же очень торговля оживится. Сами понимаете натуральное хозяйство – дело хорошее, но деньгу оно не приносит, пока не продашь, а продавать надо нечто редкое, чего у других нет. А у нас всего полно, даже вон грибочки солёные.

— Кстати, про грибочки, их же можно в сале на зиму жарить, чтобы на жарёшку или в кашу, не только солёные или сушёные...

— Ох, да вы просто кладёшь полезных рецептов, — он довольно улыбнулся.

— А то! Даже не представляете, насколько много у меня всяких интересных задумок, хватило бы сил.

Глаза старосты уже загорелись азартом, чую, что он очень деловой, ему бы развернуться, да идей маловато, он сам на это же и посетовал:

— Силы есть, нам-то дремучесть не позволяет что-то эдакое придумывать. А с вашими фантазиями чувствую, мы далеко пойдём. Мефодий-то вас неустанно нахваливает, уж какие вы кушанья готовите. Мы в вас верим. Не голословные ваши заявления, а такие, что и в банк не стыдно сходить. Так что делайте на пробу...

— Мне бы пару, тройку бочоночков, как у нас сейчас под капустой стоит, а то тары нет.

— Привезём, обязательно. Самому теперь любопытно попробовать ваши соленья.

— Первыми и попробуете.

Мы ещё поговорили о разных мелочах, и они мне надавали множество житейских советов, особенно по сельскохозяйственным особенностям местной почвы и вообще климата. И самое важное, договорились, что мне вспашут участок под огород. Про пикировку тоже совет дали, если уж хочу так заморачиваться, то из бересты можно скручивать, лыком перевязывать. Занятие нудное, а куда деваться. Это добро мне тоже обещали подвезти, раз у нас дело общее нарисовывается, то староста с энтузиазмом взял надо мной шефство. А я и не против.

Деревенька мне понравилась, видно, что небогатая, но крепкая не одного дома развалюхи, все заборы целые, никаких картин уныния, кроме хляби на дороге, да и та скоро просохнет.

Воодушевлённая новыми проектами, прошла через рощицу, по пути постояла на краю того поля, где собираюсь сажать свою капусту, главное, что его не видно из окон дома, и наш Фёдор Григорьевич не сделает мне втык за самоуправство.

Конечно, сделает, кого я обманываю. Но если сам проникнется вкусной едой, то, может, и простит...

Другое печалит, что если он прав и я проиграю, то придётся уезжать, зато у деревенских появится новое направление в бизнесе.

Мелькнула шальная мысль, что если мне придётся уехать, то я же на рынке в столице могу нашими продуктами торговать, пробивной силы мне не занимать, уж такое-то несложное дело поднять, много ума не надо. Да и деньги в столице уже совсем другие.

Даже в этом вопросе, вдруг появилась какая-то надежда...

А воздух уже дурманит свежестью, на проталине вдруг заметила маленькие, нежные подснежники белые, невесомые, на тоненькой зелёной ножке и со струнами-листочками.

— Боже, какая же красота. И сразу вера в счастье проснулась, всё у меня будет хорошо...

Присела, разглядываю и наполняюсь живительной силой природы.

— Мур-р-р! — за моей спиной вдруг послышалось привычное мурканье.

— Васька, а ты-то как сюда попал, до усадьбы ещё далеко, ладно, охранник хвостатый, пошли домой, дам тебе за верность сала кусок, у тебя ведь нет поста?

— Мур-р-р! — задрал хвост, перепрыгивая лужицы и ежеминутно отряхивая лапки, котёра поспешил за мной в усадьбу.

Да уж, у него явно ко мне привязанность образовалась и не хилая, а самая настоящая. А если поверить в то, что коты олицетворяют собой дух дома и места, то, видимо, сам дом меня привечает.

Настроение ещё на чуточку улучшилось. Если бы не грязь, я вприпрыжку как в далёком детстве поскакала бы.

Вдруг ощутила, что это моё место, абсолютное принятие этого факта заставило ускориться. Захотелось отметить новое чувство оладьями.

Стоило подойти к дому, как я услышала знакомый и слегка встревоженный голос:

— Вера Степановна, а куда вы так надолго пропали? — на пороге стоит Фёдор Григорьевич и с таким видом, словно отец ждёт со школы ученицу, а она где-то залипла на ручейке, пуская кораблики.

Улыбаюсь, я сейчас вообще не могу не улыбаться...

Моя жизнь, даже в таких условиях вдруг заиграла весенними красками.

— В деревне и не пропадала, а обсуждали со старостой новый бизнес. Со дня на день начнём новый проект...

— Вы? Бизнес? В смысле предприятие со старостой? — Боже сколько удивлённого сарказма в голосе.

— Да, я, а что в этом такого предосудительного, или женщинам запрещено придумывать идеи и зарабатывать себе на жизнь достойным способом?

— Но это сельское хозяйство, не будете же вы копать огород? — он выдал крайнюю степень удивления, он уже заподозрил меня в чём-то, догадался, что его подоконники захватили не цветы, а что-то пошлое и деревенское?

Мне пора волноваться?

— А что постыдного в том, чтобы себя прокормить?

— Но это тяжкий труд, а у вас такие нежные руки...

Боже мой, он сказал, и сам же смутился, перевёл взгляд с меня на кота и замолчал.

Я тоже решила не доводить разговор до абсурда. Но его заявление мне вдруг понравилось.

— Пойду на кухню и сделаю своими нежными ручками нежные оладушки. Пока ещё осталась простокваша, больше молока нет, коровы в запуске, теперь уже ждать и ждать...

Прошла мимо него и кот за мной.

— Предатель, я же тебя котёнком из города привёз, а ты... Эх...

Послышалось нам вслед.

Что-то ржу, даже кот понимает, кто в доме настоящая хозяйка...

Умелыми, привычными действиями, словно выросла на этой кухне, собрала всё для оладий. Закинула несколько дровишек в печь, чайник поставила, просеяла муку в тазик и только хотела влить бесценную, последнюю в этом сезоне простоквашу, как в мою медитацию ворвался дядя Фёдор с поразительной новостью, настолько поразительной, что он сам выглядит скорее шокированным, нежели удивлённым.

— Вера Степановна, к вам муж приехал!

— Кто? Муж? Я же вдова! Гоните его, это зомби, восставший мертвец...

— Я не шучу, молодой, весьма привлекательный мужчина, требует вас и утверждает, что он ваш муж.

— Вот тебе и ёжик в тумане, шутите?

— Да нет же... Это выходит, вы меня обманывали.

— Так, стоп, это всё ваши инсинуации, чтобы отобрать у меня последние права на имение. Сейчас я этому мошеннику, а потом и вам, кочергой, чтобы неповадно было.

Я очень разозлилась, взглянула на кочергу, но брать не стала, это явная провокация. Нет у меня никакого мужа.

И тут я понимаю, что воспоминания, могли быть обманом и всё вообще не то, чем кажется. Как была в кухонном фартуке, с мучными руками выбегаю на улицу и на крыльце меня ожидает тот, на кого я вообще не могла бы подумать.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.